

Старые деревья в садах Романтизма

Подобно тому как в различных литературных направлениях типичный возраст героя постоянно меняется (в Романтизме герой — молодой человек, в Реализме герой скорее среднего, чем молодого возраста, в литературе символистского круга возраст героя вообще не имеет особого значения, что тоже очень важно), так и в различных стилях садово-паркового искусства деревья считаются наиболее красивыми в разных своих возрастных границах. Истинными героями романтических парков являются деревья старые и по преимуществу одинокие. Дуплистость, отмершие ветви скорее украшают дерево, чем портят его декоративные качества. Старое дерево несет в себе больше индивидуальных черт, чем молодое.

Вильям Шенстон в уже цитированных нами «Различных мыслях о садоводстве» писал о старом дереве: «... широкий ветвистый старый дуб — может быть, самый почтенный из всех неодушевленных объектов сада».¹²³

Теоретик и практик пейзажного садоводства поэт Александр Поп говорил Джозефу Спенсу, имея в виду старое дерево, что дерево — «более благородный объект, чем сам принц в своем коронационном одеянии».¹²⁴

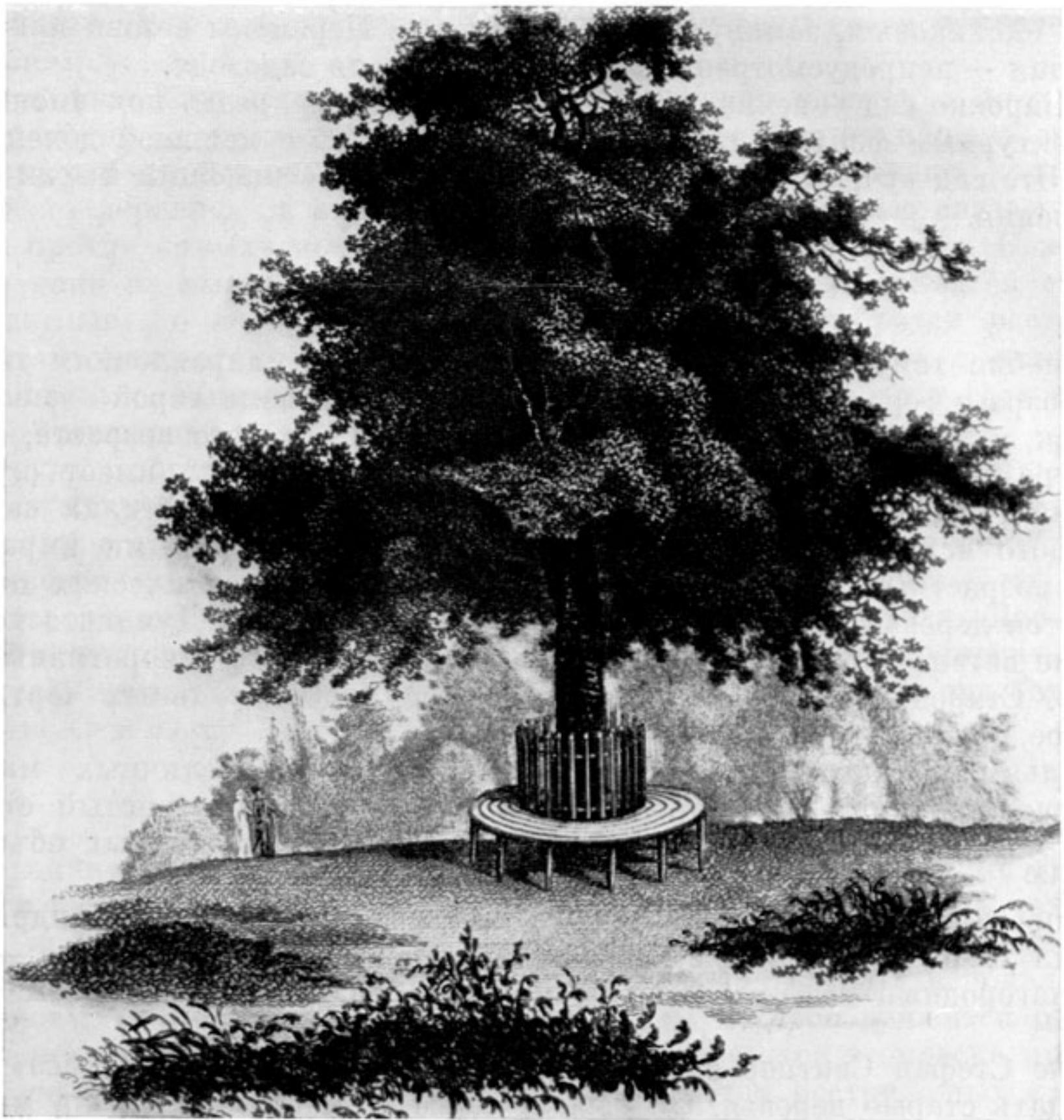
Уже Стефан Свитцер в своей известной «Iconographia Rustica» стал защищать старые деревья. Он был в ужасе от массового повала многих «благородных дубов» или иногда целых рядов и этих и других тенистых деревьев, которые на самом деле посрамляют «регулярные», т. е. стриженные, деревья. Эти повалы делаются одним движением карандаша на схемах «бумажных строителей»¹²⁵ — строителей садов, которые работают совершенно отвлеченно — не как живописцы, а как чертежники.

Лучше спалить собственный дом, пишет С. Свитцер, чем срубить старое благородное дерево, вырастить которое можно только годами и столетиями. Свитцер пишет также, что ландшафтные планы должны подчиняться природе в большей мере, чем природа подчиняется планам.

¹²³ Цит. по: *Miles Hadfield. Gardening in Britain*, p. 203.

¹²⁴ См.: *Morris R. Brownell. Alexander Pope and the Arts of Georgian England*, p. 136.

¹²⁵ См.: *Edward Malins. English Landscaping and Literature, 1660—1840*, p. 27.

Старый одинокий дуб. Рис. из «Ideenmagazin» И. Г. Громанна. Лейпциг, 1799, тетр. 28, табл. VIII.

Иными словами, планировщик садов должен в своих планах учитывать особенности уже существующих насаждений, бережно сохраняя старые деревья.

В романтических садах приобрело особую значимость и уединенно растущее дерево — преимущественно дуб.

Если в эпоху Барокко деревья группировались в боскеты, то теперь при всей значимости и того и другого (садовое искусство обогащается, ничего, в сущности, не отменяя и не уничтожая) особое значение приобретает единственное и уединенное дерево. Его уединение иногда на

Старое дерево в парке Шерингам Холла, конструировавшемся Хамфри Рептоном.

вершине «парнаса» (здесь оно было даже обязательно) — романтической формы эрмитажа, среди поляны, на берегу вод (тут играло свою роль и его отражение) или, если дерево было старым, то в тесном окружении молодых деревьев, особенно ценилось в эпоху Романтизма.

В эпоху Барокко уединение было уделом посетителя парка, теперь оно стало обязательным и для гуляющего и для самого растения, дуба по преимуществу.

Делиль в своей поэме «Сады» особо отмечает красоту одиноких и старых деревьев, растущих «уединенно» на поляне вдали от других деревьев, — особенно «уединенных дубов»:

Дай дереву каждому особый возраст, вид,
 И расстояние меж них назначь различно.
 Всегда за красоту, за стройный рост отличной,
 Для одиночества деревья выбирай,
 А безобразные в густой толпе скрывай.
 Когда же дуб чело почтенное подымлет,
 Иль явор на холме, маститый старец, дремлет,
 Из уважения ко прадедам своим
 Все племя одаль став, уступит место им.¹²⁶
 Так одинокие древа в полях прекрасны.

(с. 43)

Об «уединенном дубе» Гиршфельд делает такое замечание: «А ежели случится где-нибудь на площадке высокой дуб или престарелой бук: то от тени его извлекается польза, и делается под густым сплетением его ветвей лавочка, или сиделка. Не надлежит тут быть ни аллея, ни иного какого регулярного насаждения деревьев, а разметаны они должны быть в разных местах вольными группами, и оные в иных местах больше, в других меньше, инде ближе, а инде далее друг от друга отдалены».¹²⁷

Делиль не против вырубок, особенно если роща полностью заслоняет вид, но при этом он пишет:

Тебе пожертвовать древами вкусу должно;
 Согласен я на то; однако осторожно
 И с бережливостью руби неспешно их;
 И помни, что уже прохладных теней сих
 Не можешь ты купить на все свое именье:
 Древа суть трудное времен произведение.
 Неблагодарный их владетель иногда
 Секире предает без нужды, без стыда.
 Повержены древа на матернее лоно,
 Умерщвлены!.. Уж кров покинули зеленой
 И скромная любовь и сладкие мечты.
 Не прикасайся к их главам священным ты.
 О святотатец! в их сенистые беседки
 Дышать прохладою твою ходили предки;
 Здесь игры сельские, и пляски, и свирель,
 И время самое щадило их досель.

(с. 51)

Делиль возмущен проектом вырубки и перепланировки садов Ленотра в Версале (с. 52—54).

¹²⁶ Ср. у Пушкина: «Здравствуй, племя младое, незнакомое» и т. д. Пушкин был хорошо знаком с литературой о садах. Весьма возможно, что и эти стихи из перевода Делиля Воейкова были ему известны.

¹²⁷ Примечания г. Гиршфельда о садах сельских или деревенских. (Взяты из его сочинения о садах). — Экономический магазин, 1787, ч. XXXII, с. 27.

Разрастающиеся деревья в пейзажном саду сравнивались со вновь знакомящимися, которые разрастаясь протягивают друг другу руки-ветви и становятся ближе и ближе ежечасно.¹²⁸

Дуб стал любимым насельником романтического парка не только потому, что он «долгожитель» среди деревьев и, следовательно, свидетель прошлого, но и потому еще, что он не поддается стрижке как липа; дуб — индивидуальность, которую в эпоху Романтизма стали особенно ценить не только в людях, но и в самой природе.)

«Дуб уединенный» немислим в садах Барокко, хотя отдельные «зеленые кабинеты» и имели иногда в центре одно дерево (стриженное либо свободно растущее) с приставленным к нему сидалищем.

Культ старых деревьев был распространен в России и до сих пор жив в Англии. Интерес к старым деревьям возник с самого появления в Англии пейзажных парков. Знаменитый создатель пейзажного стиля в садоводстве Вильям Кент стремился создать в своих пейзажах то, что называется «eye catchers» («объекты, привлекающие внимание»). Это могли быть какая-либо руина, храм, скульптура. При этом Кент шел настолько далеко в этом отношении, что «сажал» даже мертвые деревья, учитывая их декоративный эффект (например, в Садах Кенсингтона) и «ощущение подлинности»,¹²⁹ а отчасти подражая пейзажам Сальватора Розы.

«Дряхлый пук дерев» ценил Пушкин. Характерно, что и Н. В. Гоголь ценил красоту мертвых деревьев. В статье «Несколько слов о Пушкине» он писал: «Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево».¹³⁰

За старыми деревьями в Павловском парке в конце XVIII и начале XIX в. был особый уход. Их, если было необходимо, подпирали столбами, бревнами, чтобы они не упали. И это считалось красивым, наводящим на меланхолические размышления, как и существовавшие в параллель к ним искусственные руины, полузакопанные в землю обломки старых статуй (у «Руинного каскада», созданного Бренной).

¹²⁸ *Moris B. Brownell. Alexander Pope and the Arts of Georgian England, p. 136.*

¹²⁹ *Julia S. Berrall. The Garden. New York, 1979, p. 265.*

¹³⁰ *Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8. [М.—Л.], 1952, с. 53. К сожалению, упоминаемая Н. В. Гоголем его картина не сохранилась. Сохранилось свидетельство, что эта картина была писана клеевыми красками и изображала беседку посреди высоких деревьев, между которыми было и одно с засохшими ветвями (П. А. Кулиш. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, т. I. СПб., 1856, с. 22).*